

МЕЖДУ КАТАСТРОФИЗМОМ И ПАЦИФИЗМОМ: ИДЕЙНЫЕ ПУТИ ОЛДОСА ХАКСЛИ И СТАНИСЛАВА ЛЕМА

Сверчиньски Ф.
Варшавский университет,
кафедра русистики, студент
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0027-332X>

В настоящей статье рассматриваются различия и сходства идейного развития Станислава Лема и Олдоса Хаксли. Целью работы является обрисовать ведущие идейные и идеологические тенденции в творчестве двух писателей и попытаться провести их компаративистский анализ. В рамках работы определяются постепенные изменения идейных и философских позиций, занимаемых двумя писателями на протяжении лет. Они рассматриваются сквозь призму аксиологии и футурологии, на которых сосредоточивается внимание в работе. Сутью статьи является показать различные сходства между идейно-философскими системами Станислава Лема и Олдоса Хаксли, а также доказать своеобразную «обратную параллель» их развития на примере избранных произведений. При написании работы мы пользовались англо-, русско- и польскоязычной литературой (в том числе самыми новыми монографиями). В работе демонстрируется различие идеологических позиций, занимаемых двумя футурологами, начиная со скептицизма и катастрофизма или даже «нового декадентства» (в случае Хаксли) и пацифизма (в случае Лема) сквозь социализм и либерализм (как общих пунктов) до полной инверсии идеологического поля: принятия катастрофических позиций Лемом и пацифистическо-мистических позиций Хаксли. При этом следует подчеркнуть, что анализируются меняющиеся подходы двух писателей к технологическому прогрессу, его развитию и касающихся его (анти)обещаний, а также к мелиоризму. Главными основами исследования являются, прежде всего, философская монография *Материя и ценности. Нео-лукрецианизм Станислава Лема* (польск. *Materia i wartości. Neo-lukrecjanizm Stanisława Lema*) Павла Околовского и монография *Дивные новые миры Олдоса Хаксли и их рецепция в Польше* (польск. *Nowe wspaniałe światy Aldousa Huxleya i ich recepcja w Polsce*) Кшиштофа Хейвовского и Гжегожа Мороза. Настоящая работа является первым опытом компаративистского анализа аксиологических и футурологических убеждений и мнений Лема и Хаксли, и, по нашему намерению, отправной точкой для дальнейших исследований в этой сфере.

Ключевые слова: философия, футурология, катастрофизм, мелиоризм, технология, прогресс, пацифизм.

BETWEEN CATASTROPHISM AND PACIFISM: ALDOUS HUXLEY'S AND STANISLAW LEM'S IDEOLOGICAL PATHS

Świerczyński F.
University of Warsaw,
Institute of Russian Studies, student

This article examines the differences and similarities in the evolution of Stanislaw Lem's and Aldous Huxley's ideological views. The aim of the paper is to outline the leading ideological trends in the work of the two writers and to conduct a comparative analysis between them. The work identifies the gradual changes in the ideological and philosophical positions held by the two writers over the years. They are considered through the prism of axiology and futurology, which is the focus of the work. The essence of the paper is to show various similarities between the ideological and philosophical systems of Stanislaw Lem and Aldous Huxley, as well as to prove a kind of "reversed parallel" of their development on the example of selected works. We

used English, Russian and Polish literature of subject (including the latest monographs). The paper demonstrates the difference between the ideological positions held by the two futurologists, from skepticism and catastrophism or even “new decadence” (in the case of Huxley) and pacifism (in the case of Lem) through socialism and liberalism (as tangential points) to the complete inversion of the ideological fields: Lem’s catastrophic positions and Huxley’s pacifistic-mystical views. It should be emphasised that the changing approaches of the two writers to technological progress, its development and its (anti)promises, as well as to meliorism are analysed. The main bases of the research are, first of all, the philosophical monograph *Matter and Values. Stanisław Lem’s Neo-Lucretianism (Materia i wartości. Neo-lukrecjanizm Stanisława Lema)* by Paweł Okołówski and the monograph *Aldous Huxley’s Brave New Worlds and Their Reception in Poland (Nowe wspaniałe światy Aldousa Huxleya i ich recepcja w Polsce)* by Krzysztof Hejwowski and Grzegorz Moroz. The paper is the first effort to provide the comparative analysis of axiological and futurological beliefs and opinions of Lem and Huxley, and, by our intention is to be the starting point for further research in this area.

Key words: philosophy, futurology, catastrophism, meliorism, technology, progress, pacifism.

Чрезвычайная популярность творчества Олдоса Хаксли (1894–1963) и Станислава Лема (1921–2006), двух великих писателей двадцатого века и футурологов, кажется, особенно сегодня, очевидной – так же, как и их значение в мировой литературе и философии¹. Имея в виду эту перспективу, а также существенные совпадения идейных, философских и литературных интересов², тем более обоснованной и нужной с точки зрения литературоведческого дискурса является попытка сделать сравнительный анализ идейных достижений обоих из них³.

Правильным началом литературного труда Хаксли и одновременно первым этапом его философского развития следует считать, прежде всего, четыре «романа идей» (англ. *novel of ideas*) [см.: 30, с. 129–137; 67, с. 223–233], появившиеся на рубеже 1921–1928, т. е. – по очереди – *Желтый Кром* (англ. *Crome Yellow*, 1921), *Шутовской хоровод* (англ. *Antic Hay*, 1923), *Эти бесплодные листья* (англ. *Those Barren Leaves*, 1925) и *Контранункт* (англ. *Point Counter Point*, 1928), причем все они «перенасыщены скептицизмом, граничащим с цинизмом» [28, с. 19] (спустя годы Хаксли скажет, что он принял в то время позу «веселого, пирронистического эстета» [35, с. VIII]). Согласно терминологии М.М. Бахтина, эти романы можно считать полифоническими⁴, причем их суть – это полифония идей, а не самих голосов и просвечивающих сквозь них характеров персонажей; Хаксли не любил сосредотачиваться на самих героях:

«Роман идей. Характер каждого персонажа должен выясняться, насколько это возможно, из высказываемых им идей. В той мере, в какой теории являются разумным

¹ Русского и польского читателя может здесь особенно радовать «все более распространенная тенденция» [23, с. 286] рассматривать творчество Станислава Лема в философском измерении – чему способствовали русские [см.: 62, с. 11], и что в настоящее время находит свое выражение в открытом причислении Лема к ряду выдающихся «мыслителей XX века» – наряду с Расселом, Витгенштейном или Хайдеггером [см.: 17].

² Доказательства будут приводиться далее в статье. «Бесстрашный боец за освобождение человека от власти суеверий», который был, «без сомнения, эрудитом с энциклопедическим охватом интересов» и, кроме того, « всю свою жизнь интересовался прогрессом в самых различных научных областях. <...> И эти интересы наложили отпечаток на то, как он воспринимал мир, и на то, как он изображал этот мир в фикциональной и нефикциональной прозе». Это характеристика, которую можно легко отнести как к Лему, так и к Хаксли (хотя в данном случае относится ко второму из них) [28, с. 126, 45, 93–94].

³ Причем – в случае настоящей статьи – эта попытка, из-за ее формы, может быть лишь фрагментарной и рассчитывать на свое дальнейшее, более подробное продолжение.

⁴ Бахтин широко рассматривает этот вопрос в *Проблемах поэтики Достоевского* [1].

обоснованием чувств, инстинктов и настроений человека, это достижимо. Главный недостаток идейного романа: в нем приходится писать о людях с идеями, то есть об одной сотой процента всего человечества. Поэтому настоящие, прирожденные романисты таких книг не пишут. Но ведь я никогда не считал себя прирожденным романистом» [41, с. 351].

Этот «новый декадентизм» [16, с. 3, 6] молодого Хаксли станет поводом для яростных нападок советской критики на писателя, особенно во второй половине тридцатых годов [см.: 5, с. 170–173; 4, с. 210]⁵.

Переломным моментом в карьере Олдоса Хаксли как писателя станет 1932 год и первое издание написанного летом 1931 года романа *О дивный новый мир* (англ. *Brave New World*); «я пишу роман о будущем – об ужасе уэллсовской утопии и восстании против нее. Очень трудно. Мое воображение с величайшим трудом охватывает такую тему. Но, тем не менее, это интересная работа» [30, с. 348]. Именно в романе *О дивный новый мир* – самом ярком проявлении «профетических [или прежде всего футурологических – Ф. С.] способностей Хаксли» [28, с. 43]⁶ – автор наиболее широко рассмотрит ряд проблем, которые впоследствии столь значительно заинтересуют Лема.

Приблизительно в конце 1933 года наступит начало пацифистского поворота Хаксли⁷; в июне 1935 года писатель примет участие в антифашистском и антинацистском парижском Первом Международном конгрессе писателей в защиту культуры [см.: 21] (в результате он будет определен как «писатель-либерал» [3, с. 59]), а в октябре или ноябре того же года, по настоянию Джерарда Хирда, он присоединится к формирующейся в то время пацифистской организации Пис Пledge Юнион (англ. *Peace Pledge Union*) Дика Шеппарда [см.: 28, с. 48–50; 15, с. 239–240]. Пацифизм станет основной тематической осью двух эссеистических сборников – *Что вы собираетесь сделать с этим?* (англ. *What Are You Going to Do About It?*, 1936) и *Цели и средства* (англ. *Ends and Means*, 1937) – а также романа *Слепец в Газе* (англ. *Eyeless in Gaza*, 1936)⁸; в апреле 1937 года Хаксли уедет (навсегда, как выяснится позже) в США.

В начале сороковых годов фокус интересов Хаксли начнет смещаться в сторону мистики и панрелигиозной вечной философии, что будет проявляться также в параллельном «отходе от интеллектуальной позиции» [47, с. 7]⁹. Самой яркой манифестацией этого будет роман *Время должно остановиться* (англ. *Time Must Have a Stop*, 1944) и «религиозно-мистическая сумма» [28, с. 77] под названием *Вечная философия* (англ. *The Perennial Philosophy*, 1945)¹⁰. Некоторыми кажущимися отклонениями от глубоко мистических тем можно считать вышедшую в 1948 году вторую антиутопию Хаксли, т. е. *Обезьяну и сущность* (англ. *Ape and Essence*), а также *Луденских бесов* (англ. *The Devils of Loudun*), вышедших в 1952 – оба произведения затрагивают тему действий Сатаны в мире. Из более важных произведений последнего десятилетия жизни

⁵ Более подробно о причинах нападений на Хаксли мы говорим в статье *Олдос Хаксли и советская критика периода сталинизма*, которая вскоре выйдет в печати в рамках разрабатываемой Кафедрой русистики Варшавского университета монографии *Литература и власть*.

⁶ Начало футурологических наклонностей и умений Хаксли представляет уже в *Желтом Кроме* [см.: 36, с. 47].

⁷ Его начало можно увидеть уже во фрагментах *По ту сторону Мексиканского залива* (англ. *Beyond the Mexique Bay*, 1934) [33, с. 72 и др.].

⁸ Доказательство истоков «превращения скептика в духе Пиррона из Элиды в пацифистского мистика в духе ранних христианских мистиков, Мейстера Экхарта или мыслителей индуистской веданты» [28, с. 63].

⁹ Польский переводчик Ян Кемпка подчеркивает, что «интерес к мистицизму отнюдь не означает у Хаксли бегства от реальности или отхода от интеллектуальной позиции. Его источником является <...> его ненасытный интеллектуализм, его озабоченность современностью» [47, с. 8].

¹⁰ Здесь нетрудно увидеть проявления панрелигиозности писателя – «Хаксли [в *Вечной философии* – Ф. С.] позаимствовал цитаты от многих, в основном, мистически настроенных, святых <...> и мыслителей так называемых высших религий, как христианство (как католические, так и протестантские), различные разновидности буддизма, <...> индуизма, <...> ислама <...> и даосизма» [28, с. 86].

Хаксли, плодов дальнейших мистико-трансцендентальных поисков, следует упомянуть два известных эссе – *Двери восприятия* (англ. *The Doors of Perception*, 1954) и *Рай и ад* (англ. *Heaven and Hell*, 1956) – и, кроме того, *Возвращение в дивный новый мир* (англ. *Brave New World Revisited*, 1958), а также утопический *Остров* (англ. *Island*), изданный в 1962 году, за год до смерти писателя.

«Лем, – пишет Пшемислав Чаплинский, – начинал как утопист в двойном измерении – сначала техническом, а немного позже – идеологическом» [22, с. 60]¹¹, зачатки чего можно увидеть уже в дебютных произведениях, опубликованных (хотя, как подчеркивает Павел Околовский, «только на хлеб» [62, с. 22]) в 1946 году, т. е. в *Чужом* (польск. *Obcy*) и *Истории одного открытия* (польск. *Historia jednego odkrycia*), а также в *Человеке с Марса* (польск. *Człowiek z Marsa*). В более поздние годы ранний Лем напишет, среди других, *Больницу Преображения* (польск. *Szpital Przemienienia*, 1948), *Астронавтов* (польск. *Astronauści*, 1951), *Яхту «Парадиз»* (вместе с Романом Хуссарском; польск. *Jacht „Paradise”*, 1951), *«Сезам» и другие рассказы* (польск. *„Sezam” i inne opowiadania*, 1954) и «красную утопию» [62, с. 24] *Магелланово облако* (польск. *Obłok Magellana*, 1955). Позже к своеобразному идеологическому повороту его ранней прозы – «дани, плаченной эпохе соцреализма» [68, с. 34] – в сторону утопического пацифизма и «позитивного, оптимистического диагноза будущего» [22, с. 61], Лем будет относиться критически [см.: 62, с. 24], а после 1955 «раз и навсегда и быстро бросит утопии в виде *Магелланова облака*» [62, с. 49].

Оттепель 1955 года станет поворотным моментом в творчестве Лема, что приведет не только к живому всплеску литературной плодовитости (как пишет Ян Пешчахович, «после 1955 года книги Лема посыпались, как будто из рога изобилия» [64, с. 27]), но и к глубокой идейной инверсии. Кроме различных рассказов появится, среди прочего, «ряд романов, дополняющих друг друга в антиутопическом мышлении» [22, с. 61], начиная с «глубоко интеллектуального» [26, с. 58] *Эдема* (польск. *Eden*, 1959) и *Расследования* (польск. *Śledztwo*, 1959), включая *Возвращение со звезд* (польск. *Powrót z gwiazd*, 1961) и *Рукопись, найденная в ванне* (польск. *Pamiętnik znaleziony w wannie*, 1961), и заканчивая, кажется, самым известным произведением Лема – «космическим эпосом» [62, с. 25] – *Солярис* (польск. *Solaris*, 1961); их дальнейшим дополнением и расширением станет *Футурологический конгресс* (польск. *Kongres futurologiczny*, 1973). Суть Лемовского поворота к антиутопическому мышлению будет заключаться не только в отходе от позитивного и оптимистического приема будущего и состояния человека, но и от веры в познавательные способности человека в целом, от позитивной рецепции природы мира и Вселенной, в которую вписан человек. В тот же период Лем будет публиковать наброски и дискурсивные произведения – прежде всего *Диалоги* (польск. *Dialogi*, 1957), *Сумму технологии* (польск. *Summa technologiae*, 1964) и – далее – *Философию случая* (польск. *Filozofia przypadku*, 1968) и *Фантастику и футурологию* (польск. *Fantastyka i futurologia*, 1970). В 1968 году появится «наиболее интеллектуально изысканный» [62, с. 26] роман Лема – *Глас Господа* (польск. *Głos Pana*) – и тринадцать лет спустя точно так же утонченный *Голем XIV* (польск. *Golem XIV*, 1981).

Антиутопический период Лема продлится, согласно утверждению Чаплинского, до 1987 года и появления *Фиаско* (польск. *Fiasko*) [22, с. 64, 66]. Наступающий после него катастрофический период

«<...> включает в себя (в чем и его особенность, и загадка), прежде всего, книжные сборники фельетонов: *Сексуальные войны* (польск. *Sex Wars*, 1996), *Тайну китайской комнаты* (польск. *Tajemnica chińskiego pokoju*, 1996), *Милые времена* (польск. *Lube czasu*, 1995), *Мегабитовую бомбу* (польск. *Bomba megabitowa*, 1999) и *Мгновение* (польск. *Okamgnienie*, 2000). <...> Этот этап характеризуется наиболее полной артикуляцией катастрофического мышления. Конечно, катастрофические элементы существовали у

¹¹ Широко об утопии в творчестве Лема пишут, среди прочих, Дариуш Войтчек и Мариуш Лесь [см.: 71; 60].

писателя почти всегда из-за конвенции научной фантастики или из-за рассмотрения глобальных проблем. Однако этот катастрофизм всегда был функциональным, условным, поддерживающим предостережение и вплетенным в общий, не лишенный надежды прогноз» [22, с. 66].

В катастрофизме и скептицизме «один из самых глубоких мыслителей XX века»¹² застрянет до конца своей жизни; «когда-то я верил, что можно хоть немного улучшить мир, даже писанием книг, но я больше не верю» [58, с. 207]. Кратко обсудив идейно-философские пути Хаксли и Лема, мы можем увидеть своеобразную «обратную» параллель в развитии обоих писателей. Первый из них, исходя из скептических и катастрофических позиций, кульминацией которых можно было бы считать *О дивный новый мир* (1921–1933), обращается к пацифизму и панрелигиозным убеждениям (1933–1944), чтобы окончательно сосредоточиться на религиозно-мистических поисках (1944–1953). Второй, начав как, в двойном измерении, утопист, имеющий пацифистские симпатии (1946–1955), отклоняется в сторону многопланового антиутопического мышления (1955–1987), в конечном итоге попадая в катастрофизм (1987–2006). Целостно рассматриваемое творчество Лема – это попытка создать «общую теорию всего» [23, с. 287] – как, впрочем, и творчество Хаксли с особой философской эманацией в виде *Вечной философии*. Основная задача дальнейшей части настоящей статьи – присмотреться к выбранным элементам идейно-философских систем обоих из них (прежде всего, рецепции природы человека и аксиологического статуса технологии).

Несмотря на выдающиеся различия и эволюцию личных убеждений, антропологические суждения Лема и Хаксли на протяжении большей части жизни обоих писателей оставались параллельными друг другу. «От оптимизма, основанного на опыте людей, святые и мудрецы возвращаются к пессимизму, который неудержимо навязывает им наблюдение за человеческими массами» [46, с. 125; ср.: 22, с. 59], а «человек ‘внутри’, в сущности, не меняется»¹³ [2, с. 95] – отсюда антропологический оптимизм в конечном итоге кажется невозможным. И Лему, и Хаксли близок, скорее всего, нон-мелиоризм с пейористическими тенденциями¹⁴, причем Лем поворачивается к пейоризму [ср.: 62, с. 43; 63, с. 96], а Хаксли спорадически уходит от него. Оба замечают дьявольский элемент, вписанный в природу человека, зачаток и гнездо «Великой Эпифании Дьявола» [72, с. 208–227]¹⁵. «Зло живет внутри нас» – скажет Лем в беседе с Яцеком Жаковским [см.: 24]; наиболее непосредственной эманацией этой мысли в фикциональном творчестве Хаксли будет *Обезьяна и сущность* – изображение системы «этики зла, <...> в которой зло является самоутверждением зла» [2, с. 287], возникшего на развалинах старого света, разрушенного ядерным конфликтом, к которому, согласно последнему наблюдению Лема, мы «стремясь <...> неизбежно» [см.: 61]. «Суть [*Обезьяны и сущности* – Ф. С.] в том, что мы [как человечество – Ф. С.] совершаем самоубийство и ничего не делаем, чтобы предотвратить его. <...> Единственная надежда человечества [в понимании автора романа – Ф. С.] заключается в том, что Белиал или зло, дремлющее в нас, всегда достигает своего предела и само себя приводит к поражению» [18, с. XXVIII]. Стремление человека к злу, нередко бескорыстному, поистине живо. «Бескорыстные убийство и причинение страданий, не сопровождающееся пожиранием – это исключительно специальность человека» [58, с. 207]¹⁶, и поэтому «на этой планете есть только один вид монстров – люди» [см.: 66] – отсюда, впрочем, «на практике человек обычно уничтожает себя» [46, с.

¹² Как Лема определил Богуслав Вольневич [см.: 70].

¹³ «Мы наделены природой, которая, по мнению Лема, <...> является врожденной и неизменной», – пишет Околовский. – «Поправить ее невозможно. Она записана в нашем геноме» [62, с. 67; ср.: 59, с. 121].

¹⁴ Здесь мы используем терминологию, придуманную Вольневичем [см.: 73, с. 293–294].

¹⁵ «Наш мир не находится между адом и небом, ибо он кажется гораздо ближе к первому» [56, с. 80].

¹⁶ «Бродский, к сожалению, был прав, говоря, что страсть к преступлениям и массовым убийствам является конститутивной чертой человеческой природы» [57, с. 176].

125], причем полное уничтожение до сих пор казалось невозможным. «Дух разрушения был довольно волевым, но на протяжении всей истории его технические мышцы были в основном слабыми» [46, с. 125].

Главное, по-видимому, хоть и частичное различие антропологических суждений, предложенных двумя писателями, заключается в несколько наивной и утопической вере Хаксли в возможность социальных изменений к лучшему:

«Наша цель – мир. Как мы хотим достичь этой цели? <...> Если мы хотим, чтобы другие относились к нам с уверенностью и добротой, мы сами должны относиться к другим с уверенностью и добротой. <...> В основном мы сами создаем этический мир, в котором живем. В значительной степени это вопрос выбора: построить ли его как мир страха и жадности или как мир доверия и любви. <...> Нет ничего абсурдного в идее, что мир, который мы создали в значительной степени, если мы хотим этого, будет создан другим, лучшим образом. <...> Не вера в какое-то исключительное божество, связанное с каким-то сообществом или местом – такая вера неизбежно ведет к войне¹⁷, – а в духовную реальность, к которой имеют доступ все люди и в которой они едины. <...> Если достаточное количество людей будет жить в соответствии с этой верой, если достаточное количество людей возьмет на себя труд испытать такую духовную реальность, <...> то у нас будет мир» (выдержка из пацифистской речи Хаксли, 3 декабря 1935 года [см.: 19, с. 311–312]).

Аналогичную риторику продолжает Хаксли и позже, в том числе в *Через много лет* (англ. *After Many a Summer*, 1939):

«<...> несчастья и ненависть всегда имеют причину: мы видим также, что люди, страдающие от этих несчастий и навлекающие на себя эту ненависть, обычно могут повлиять по меньшей мере на некоторые из этих причин. Они всегда в какой-то степени виноваты сами – прямо или косвенно. Прямо, когда совершают глупые или злонамеренные поступки» [31, с. 95],

– хотя при всем этом, кажется, он в конце концов частично осознает утопичность мелиористских убеждений, выражение чего дает хотя бы в окончании *Острова* [37, с. 271–295].

Лем решительно дистанцируется как от мелиоризма, так и от суда, согласно которому существует или могла бы существовать какая-либо возможность скорректировать моральную природу человека – тем более от возможности влияния этого гипотетического изменения на социальные структуры и будущее мира:

«В вопросе о шансах совершенствования людей умеренный скептицизм более разумен, чем доверчивость мелиористов, которые перекладывают вину за все жестокости истории на различным образом называемые ‘привходящие обстоятельства’» [13, с. 397–398].

«Решения [о будущем – Ф. С.], которые будут приняты, будут приняты вне нас [людей! – П. О.]» [см.: 62, с. 47].

¹⁷ Через тринадцать лет после произнесения этих слов Хаксли устами Рассказчика в *Обезьяне и сущности* констатирует: «в конце концов, имя каждого идола – Молох» [32, с. 41]. В подобном тоне выскажется Лем: «Дело в том, что наиболее милые разрушение и убийство происходит именно в величии идеологии, религии, права и сообщества, потому что тогда не только обеспечивает ‘тайное вождение’, но еще можно добиться наград и благодарностей» [см.: 24] – однако, с другой стороны, он осознает необходимость человека разделять определенные убеждения: «Наверное, людям необходима в жизни вера религиозного типа, то есть недоказуемая даже в ее началах, может быть, иначе, чем сердце и кишечник, но все-таки необходима, и я тоже питаю какие-то убеждения, внеэмпирические и несводимые к эмпирии» [2, с. 146].

Импликацией упомянутых убеждений является последовательный поворот Лема «против мышления о шансах властвовать над реальностью» [22, с. 64]. Суждение, согласно которому увеличение вероятности международного мира прямо пропорционально увеличению числа людей, исповедующих ту или иную парадигму пацифистских ценностей, просто ложно, ибо это число не представляет никакой гарантии. «Любой достаточно мощный порыв ко всеобщему счастью кончается строительством каталажек. Сама эта идея – не что иное, как иррациональная фата-моргана разума» [8, с. 241]. Всеобщее блаженство представляет собой утопический мираж наивных апологетов мелиоризма, не замечающих врожденного и бесповоротного несовершенства человека, который «что бы он ни делал, почти никогда не знает, что именно он делает, во всяком случае, не знает до конца» [10, с. 9]¹⁸. Хаксли спрашивает:

«Когда мы ощущаем себя единственными наследниками вселенной, когда ‘море течет в наших венах <...> и звезды – наши алмазы’, когда все вещи воспринимаются как беспредельные и святые, какой мотив может у нас быть для алчности и самоутверждения, для погони за властью или для еще более ужасных форм удорольствия?» [44, с. 33].

Однако этот вопрос в самой своей сути ошибочен, потому что он не учитывает природу человека. Перефразируя Лема, «человек, которого Хаксли изобрел, никогда не существовал. Никогда не было отчужденного множеством конечностей и ограничений чувств Ангела, перед которым достаточно было приоткрыть дверь перцепции, чтобы он обрел полноту ангельских добродетелей» [52, с. 50]¹⁹. Оставляя в стороне даже вопрос о засушливости человеческой почвы, на которой должна была бы расти глобальная утопия «счастья лоботомиков» [22, с. 63], сам ее проект невозможен²⁰ – точно так же, как и предсказание действия ее механизмов. По Лемовскому пониманию Вселенной случай является «центральной категорией» [13, с. 27; ср.: 62, с. 292–310], «лишающей демона Лапласа его всеведения и делающей его бессильным существом» [23, с. 290]. Изучение стохастических процессов и построение Марковских цепей для разработки функционирующего утопического проекта вместе с точной оценкой его результатов, из-за его сложности, невозможно [ср.: 22, с. 67] – «люди должны действовать, но всегда должны помнить, что они не в состоянии предвидеть отдаленные последствия своего действия» [40, с. 113]; оно непосредственно вытекает из усложнения и непредсказуемости (или своеобразной неопределенности) самого человека и Вселенной²¹.

«Если мир — не разложенная перед нами головоломка, а всего лишь бульон, где в хаотическом беспорядке плавают кусочки, иногда, по воле случая, слипающиеся в нечто единое? Если все сущее фрагментарно, недоношено, ущербно, и события имеют либо конец без начала, либо середину, либо начало? А мы-то классифицируем, вылавливаем и

¹⁸ «Эту позицию можно назвать социальным детерминизмом: это фатализм, а не волюнтаризм (с другой стороны, Лем – ‘волюнтарист’ в шопенгауэровском смысле: фатализм социального мира происходит отсюда, что ‘слепая воля’ имеет в нем преимущество перед сознательными целями людей)» [62, с. 46]. Хаксли, в свою очередь, метко констатировал, что «люди никогда не бывают такими умными, как они думают» [38, с. 97].

¹⁹ В оригинале Лем имеет в виду Карла Маркса.

²⁰ «<...> человечество никогда не объединится, а это было бы последним условием для <...> конструирования ‘машины, управляющей всем миром’» [50, с. 218].

²¹ Эта непредсказуемость и сопровождающий ее «абсолютный случай» [62, с. 307] имплицитно своего рода метафизическую тревогу, связанную с одинаково абсолютной неуверенностью, не являются для Лема причиной «аксиологического нигилизма» [62, с. 307]. Тем не менее, в определенной степени они, несомненно, остаются эманацией того, что Лешек Колаковский определяет как *horror metaphysicus* [48; ср.: 29, с. 14]; более широко о категории неопределенности в творчестве Лема пишет Кристиан Краббенхофт [см.: 49].

реконструируем, складываем это в любовь, измену, поражение, хотя на деле мы и сами-то существуем только частично, неполно. <...> А на деле это всего лишь бульон... Математическая гармония мира – наша попытка заколдовать пирамиду хаоса. <...> Так как нет однозначного хода событий, и отчаяние, красота, радость, уродство – продукт статистики, то она определяет и наше познание, которое есть слепая игра случая, вечное составление случайных формул» [9, с. 403–404].

Все-таки, как пишет Околовский, «мир, по мнению Лема, является и ‘головоломкой’, и ‘супом’ одновременно» [62, с. 308]; форс-мажор его стохастической неразрешимости не отрицает обоснованности стохастических поисков – «нет ничего более важного, чем попытки понять, куда наш мир движется» [55, с. 6].

Оба они, и Лем, и Хаксли, опасаются при всем этом моральной текучести и пластичности человеческой природы – своеобразной склонности человека к чрезмерной адаптации на аксиологической и этической плоскости. «Наше уменье ко всему приспособляться и, как следствие, все принимать – одна из величайших опасностей для нас же самих. Существа со столь поразительно гибкой приспособляемостью не способны иметь жестких нравственных норм» [7, с. 280] – «постепенно даже конклав можно приучить к каннибализму» [9, с. 389]. Более того – отход от моральной константы (как и отход от восприятия окружающей действительности) проще настолько, насколько «признанная человеком реальность становится функцией случая» [25, с. 437]. Таким образом, он не только морально растяжим, но и склонен принимать жизнь-симулякр параллельно с недопущением или вытеснением сознания ее симулякрности в том случае, когда это ему так или иначе выгодно. Лем говорит о «проблеме манипулирования умами – такого, при котором сохраняется субъективное ощущение полной естественности и свободы» [6, с. 238]. Наиболее эффективно управляемые человеческие массы – это те, которые были привязаны к поводку протезного квази-блаженства, и которым заранее была обещана полная свобода (или, скорее, своеволие). «Абсолютное блаженство развращает абсолютно» [8, с. 272], поэтому единственным эффектом успешно реализованной (анти)утопии может быть исключительно «человечество, недееспособное по причине [лоботомического – Ф. С.] счастья» [22, с. 64], считающегося самой большой ценностью. Такой же является реальность *О дивного нового мира*:

«<...> позволить [людям – Ф. С.] начать рассуждать о назначении жизни – и Форд знает до чего дорассуждаются. Подобными идеями легко сбить с толку тех высшекастовиков, чьи умы менее устойчивы, – разрушить их веру в счастье как Высшее Благо и убедить в том, что жизненная цель находится где-то дальше, где-то вне нынешней сферы людской деятельности; что назначение жизни состоит не в поддержании благоденствия, а в углублении, облагораживании человеческого сознания, в обогащении человеческого знания. И вполне возможно, подумал Главноуправитель, что такова и есть цель жизни. Но в нынешних условиях это не может быть допущено» [34, с. 209],

– или, как далее в романе говорит Мустафа Монд:

«Всеобщее счастье способно безостановочно двигать машины; истина же и красота – не способны. Так что, разумеется, когда властью завладевали массы, верховной ценностью становилось всегда счастье, а не истина с красотой. <...> Какой смысл в истине, красоте или познании, когда кругом лопаются сибирезвенные бомбы? После той войны и была впервые взята под контроль наука. Люди тогда готовы были даже свою жажду удовольствий обуздать. Все отдавали за тихую жизнь. С тех пор мы науку держим в шорах. Конечно, истина от этого страдает. Но счастье процветает. А даром ничто не дается. За счастье приходится платить» [34, с. 269–270].

В подобном тоне Джордж Симингтон, «эсхатологический анестезиолог» [14, с. 97], описывает Ийону Тихому реальность будущего и мотивации руководителей мира в *Футурологическом конгрессе*:

«Мы даем наркоз цивилизации, иначе она сама себе опротивела бы. Поэтому-то будить ее запрещено. Поэтому и вы вернетесь в ее лоно. Бояться вам нечего, это не только безболезненно, но и приятно. Нам куда тяжелее, мы ведь обязаны трезво смотреть на вещи – ради вас же. <...> Обстоятельства нас вынуждают. Мы загнаны в угол, играем картами, которые раздал нам жребий истории. Мы последним доступным нам способом даем утешенье, покой, облегчение, с трудом удерживаем в равновесии то, что без нас рухнуло бы в пропасть всеобщей агонии. Мы последние Атланты этого мира. Если миру суждено погибнуть, пусть хоть не мучается. Если нельзя изменить реальность, нужно хоть заслонить ее чем-то. Это наш *последний* гуманный, человеческий долг» [14, с. 96]²².

Тем более уместной в отношении к Лему становится констатация, касающаяся Хаксли, которую дают Кшиштоф Хейвовский и Гжегож Мороз:

«Никто не имеет права навязывать людям свое видение счастья. <...> Только Мустафа Монд может читать Библию, Шекспира, философов, потому что он знает лучше. Он знает, что такое счастье общества. Он знает, что хорошо для других. Это болезнь всех утопистов. Хаксли выступает против утопистов всех мастей. Вы не имеете права, по-видимому, говорит Хаксли, навязывать другим свои решения, свой рецепт жизни. Хаксли наносит мощный удар всем визионерам, которые убеждены, что нашли способ счастья человечества» [28, с. 151].

Аналогичным образом параллельные взгляды представляют Лем и Хаксли в вопросе аксиологического статуса технологии и науки; общая констатация здесь похожа – «развитие техники морально нейтрально, ни хорошо, ни зло; люди выбирают, как они хотят использовать новые изобретения и достижения техники» [28, с. 90]; по мнению Лема, «техника – это некая самоформирующаяся система, которая может выйти из-под контроля человека» [см.: 27, с. 48], прогресс и происходящие изменения и события как бы «автокаталитически» [см.: 62, с. 44] – отсюда так трудно их предсказать и невозможно остановить. «Что можно сделать с этим неустанным прогрессом техники? Конечно, остановить его невозможно. Этот процесс продолжается независимо от того, нравится нам это или нет», – пишет Хаксли в подобном тоне. – «Поэтому мы должны смириться с тем, что он будет продолжаться и развиваться по своим законам» [45, с. 226; ср.: 43, с. 30–32; 12, с. 579–590; 65, с. 231]. Технология развивается частично независимо от человека – «является независимой переменной цивилизации» [62, с. 44]²³ и «космической константой» [57, с. 63] – а тот не может предсказать ни направления, ни последствия ее развития. Кроме того, в результате невозможно планировать открытия, а то, что один раз

²² Здесь стоит привести предсказания Хаксли, высказанные в выступлении автора на симпозиуме под названием *A Pharmacological Approach to the Study of the Mind* («Фармакологический подход к изучению разума»), состоявшемся 26.01.1959 в Калифорнийском университете в Сан-Франциско: «Мне кажется, что уже в следующем поколении, а может быть, чуть позже, появятся новые фармакологические средства, которые заставят людей полюбить свое порабощение и которые станут основой – так я их назову – диктатур без слез. В результате возникнет что-то наподобие легких концлагерей для целых народов и обществ. Заключение будут лишены свободы и прав, что их, однако, только осчастливит, потому что из их психики будет удалена всякая жажда бунта, чему послужат пропаганда и промывание мозгов, подкрепленные также фармакологией. Именно это будет, я думаю, ‘Окончательной революцией’» [45, с. 225–226].

²³ «Техника развивается по собственным внутренним законам, совершенно отличным от человеческих прав. Это две совершенно разные сферы, и теперь человек замечает, что он подчинен тому, что он сам создал, и внутренним законам этого – законам не являющимся человеческими» [45, с. 223].

было открыто, «прикрыть» уже никакой силой нельзя. «Невозможно поставить какую-либо плотину ‘прогрессу’» [58, с. 93], и «фаустовская судьба человечества заключается в том, что познание как глобальный процесс невозможно остановить» [62, с. 97; ср.: 43, с. 24–27], причем насильственное познание и технологическое развитие бесповоротно влекут за собой столь же насильственные и не обязательно позитивные или, по крайней мере, непредсказуемые «экономические, политические и этические изменения» [43, с. 17]. В конце концов, и Хаксли – особенно в *Науке, свободе и мире* (англ. *Science, Liberty and Peace*) [43], – и Лем («Выбор [целей – Ф. С.] зависит от уровня развития цивилизации, от общественного строя; <...> [цели – Ф. С.] подлежат моральным оценкам. Только выбор – но не сама технология» [10, с. 35]) защищают моральный нейтралитет развития науки и технологии. Оба писателя осознают, что «техника не может стать совершенной, потому что ее создатель – это человек» [27, с. 51], а благодаря ее достижениям «меньшее количество людей может нанести более серьезный вред большему количеству людей, чем когда-либо прежде» [46, с. 125; ср.: 32, с. 84–96]. Технические мышцы духа разрушения постоянно набирают силу, поэтому все легче подчинять себе и уничтожать другого человека [см.: 69], «превращая успехи науки в свой ошейник» [47, с. 10].

«Мир является недоброжелательным, ибо: в нем легче уничтожать, чем создавать; легче мучить, чем делать счастливым; легче погубить, чем сохранить; легче убить, чем оживить. <...> Мне кажется, что очень трудно опровергнуть это рассуждение. <...> То, что любой предмет легче разбить, чем его воссоздать, это вектор энтропии. <...> Такова природа мира. Даже Господь Бог разводит руками» [2, с. 288].

С позиции, постулирующей признание нейтралитета развития науки и техники, Лем, – в отличие от Хаксли, – будет постепенно отходить; «техноэволюция несет больше зла, чем добра; человек оказывается в плену того, что он сам же создал, превращается в существо, которое по мере увеличения своих знаний все меньше может распоряжаться своей судьбой» [10, с. 34]²⁴. Эта констатация совпадает с предсказаниями Хаксли, высказанными в *Науке, свободе и мире*, хотя у Лема она приобретает значительно более катастрофический оттенок²⁵. Оба они, несмотря на все различия, последовательно утверждают (причем Лем более ярко подчеркивает эту позицию), что тормозом для необузданности автокаталитического и ускоряющегося технического прогресса и человеческой природы является своего рода амальгама науки (техники) и культуры [см.: 27; 62, с. 56–67] – ответ на отсутствие «автоматизмов равновесия» в человеке [12, с. 579]. «Давайте продвигаться вместе, люди литературы и люди науки, к бесконечным и вечно растущим просторам неизвестного» [40, с. 118], – постулирует Хаксли²⁶. Техника и наука дают человеку новые возможности, тем не менее степень и направление их реализации зависят от силы самой культуры. «Разбитая культура не может ни обуздать ускоренного развития техники, ни регулировать его, ни подчинить себе, потому что не только не господствует над изменениями и не поспевает за ними, но и вообще их не понимает» [13,

²⁴ Чаплинский утверждает, что выражение этой позиции Лем дает, среди прочего, в *Фиаско*, показывая, что «технологическое развитие человечества усиливает агрессию» [22, с. 66].

²⁵ Хотя и Хаксли не остается здесь наивно оптимистичным: «Технологический прогресс не устраняет препятствия, а лишь меняет их природу» [38, с. 99], – и еще сильнее в *Обезьяне и сущности*: «наука <...> одной рукой отнимает даже больше, чем щедро раздает другой» [32, с. 40]; «технологический прогресс, наконец, подрывает свои собственные корни» [см.: 62, с. 49].

²⁶ Мысли Лема и Хаксли и в этом месте остаются удивительно похожими. «Громада накопленных знаний переросла кругозор любого из нас», – Лем пишет в *Глазе Господа*. – «Не приумножать без разбору эти знания, а сначала избавиться от огромных их залежей, от скоплений второстепенной, то есть излишней, информации – вот, по-моему, первейшая наша обязанность» [7, с. 322] (в оригинале: «первейшая обязанность новой науки» [53, с. 152]). В подобном тоне, хотя и более метафорически, Хаксли говорит, что «ученый, как и литератор, видит необходимость ‘очистить слова своего племени’» [40, с. 12].

с. 385]²⁷, поэтому культура не только «защищает человеческое существо от бессмысленности существования человеческого существа» [54, с. 28], но и от внутреннего дьявола, дремлющего в нем самом. В особенности поэтому, – в понимании Лема и Хаксли, – она является необходимой [см.: 12, с. 579–590] «стратегией разумных существ, имеющею целью их выживание» [13, с. 390], хотя, в конце концов, в значительной степени создающейся случайно и нередко дефектно [см.: 2, с. 277; 13, с. 351–438; 27, с. 51; 62, с. 355–363] – и поэтому она может вводить человечество в заблуждение²⁸. Всё-таки, – как решительно резюмирует Лем, – «разум без культуры – как орел без крыльев» [55, с. 214]. Несмотря на ясно прослеживающуюся «обратную» параллель мировоззренческой эволюции Олдоса Хаксли и Станислава Лема, их аксиологические размышления о природе человека и прогрессе науки (технологии) находят свои касательные точки, а расходящиеся идейные пути двух писателей неоднократно пересекаются. Оба они, хотя и в разной степени, остаются далеки от мелиоризма, отрицая при этом возможность и обоснованность утопии. Точно так же они защищают нейтралитет технологического развития, осознавая его недостатки и связанные с ними риски – лекарство от них видят в культуре. Показание и контуры анализа выбранных касательных точек идейно-философских систем Олдоса Хаксли и Станислава Лема, содержащиеся в этой статье, нельзя считать исчерпывающими; особого компаративистского рассмотрения требуют, прежде всего, и, наверное, в первую очередь, метафизические, онтологические (особенно через призму феноменологии с учетом оппозиции «ноумен» – «феномен»), стохастические и социологические взгляды обоих футурологов.

Список литературы

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. Собрание сочинений в 7 т. М., 2002. Т. 6. С. 800.
2. Бересь С., Лем С. Так говорил... Лем. Беседы со Станиславом Лемом. М., 2006 // URL: <http://etextlib.ru/Book/Details/875>, доступ: 18.03.2020.
3. Дьяконова Н. Олдос Хаксли в России // Всемирное слово. 2001. № 14. С. 59–62.
4. Звавич И. Олдос Гексли // Интернациональная литература. 1937. № 5. С. 210.
5. Левидов М. Оргия пессимизма // Интернациональная литература. 1935. № 8. С. 170–173.
6. Лем С. Абсолютная пустота // Лем С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1995. Т. 10. С. 494.
7. Лем С. Глас Господа // Лем С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1994. Т. 9. С. 414.
8. Лем С. Осмотр на месте // Лем С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1994. Т. 8. С. 478.
9. Лем С. Расследование // Лем С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1992. Т. 1. С. 415.
10. Лем С. Сумма технологии // Лем С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1996. Т. 13Д. С. 463.
11. Лем С. Фантастика и футурология. М., 2004. Т. 1. С. 591.
12. Лем С. Фантастика и футурология. М., 2004. Т. 2. С. 667.
13. Лем С. Философия случая. М., 2007. С. 767.
14. Лем С. Футурологический конгресс // Лем С. Собрание сочинений в 10 т. М., 1994. Т. 8. С. 478.
15. Рабинович В. Олдос Хаксли: эволюция творчества // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.05. УрГУ. Екатеринбург, 1999. С. 384.
16. Старцев А. Новое декадентство. Заметки о западных книгах. «Контрапункт» Хаксли //

²⁷ «В их [античном – Ф. С.] мире изменения происходили невероятно медленными темпами, а в нашем, напротив, прогресс техники создает состояние почти хронической революции» [38, с. 190–191].

²⁸ «Если искусство неумелое, тривиальное или чрезмерно выразительное, наши чувства будут вульгаризированы и искажены» [40, с. 71; ср.: 62, с. 59–60; 51, с. 128–129].

- Литературная газета. 1936. № 59 (622). С. 3, 6.
17. Язневич В. Мыслители XX столетия. Станислав Лем. Минск, 2014. С. 448.
 18. Atkins J. Aldous Huxley: A Literary Study. London, 1967. С. 218.
 19. Bedford S. Aldous Huxley: A Biography. London, 1973. Т. 1. С. 400.
 20. Bedford S. Aldous Huxley: A Biography. London, 1974. Т. 2. С. 805.
 21. Boas J. Writers' Block: The Paris Antifascist Congress Of 1935. Cambridge, 2016. С. 162.
 22. Czapliński P. Stanisław Lem – spirala pesymizmu // Teksty drugie. 2001. № 6. С. 59–75.
 23. Czarnota D. Stanisław Lem – filozof zapoznany // ΣΟΦΙΑ. Pismo Filozofów Krajów Słowiańskich. 2012. № 12. С. 286–292.
 24. Drapieżna mała // Gazeta Wyborcza. 1994. № 42. С. 10.
 25. Drewnowski T. Próba scalenia. Obiegi – wzorce – style. Warszawa, 1997. С. 544.
 26. Gomel E. Stanisław Lem i biologiczna wzniosłość. Biologia, technologia, fantastyka naukowa // Creatio Fantastica. 2018. № 2 (59). С. 57–68.
 27. Gomułka Ł. O krytyce kultury według Stanisława Lema // Humanum. 2017. № 24. С. 45–54.
 28. Hejwowski K., Moroz G. Nowe wspaniałe światy Aldousa Huxleya i ich recepcja w Polsce. Warszawa, 2019. С. 182.
 29. Heller M. Moralność myślenia. Kraków, 2015. С. 120.
 30. Hoffman F. Aldous Huxley and the Novel of Ideas // College English. 1946. Vol. 8. № 3. С. 129–137.
 31. Huxley A. After Many a Summer. London, 1962. С. 314.
 32. Huxley A. Ape and Essence. London, 1985. С. 144.
 33. Huxley A. Beyond the Mexique Bay. London, 1950. С. 319.
 34. Huxley A. Brave New World. London 1947. С. 306.
 35. Huxley A. Brave New World. London, 1946. С. 311.
 36. Huxley A. Crome Yellow. London, 1921. С. 325.
 37. Huxley A. Island. New York, 1963. С. 295.
 38. Huxley A. Knowledge and Understanding // Huxley A. Huxley and God: Essays. New York, 1992. С. 286.
 39. Huxley A. Letters of Aldous Huxley // ed. by G. Smith. New York, 1969. С. 991.
 40. Huxley A. Literature and Science. New York–Evanston–London, 1963. С. 118.
 41. Huxley A. Point Counter Point. New York, 1928. С. 514.
 42. Huxley A. Reflections on Progress // Huxley A. Huxley and God: Essays. New York, 1992. С. 286.
 43. Huxley A. Science, Liberty and Peace. London, 1950. С. 63.
 44. Huxley A. The Doors of Perception. London 1954. С. 63.
 45. Huxley A. The Final Revolution // A Pharmacologic Approach to the Study of the Mind // ed. by Featherstone R., Simon A. Springfield, 1959. С. 399.
 46. Huxley A. Usually Destroyed // Huxley A. Collected Essays. New York, 1964. С. 399.
 47. Kempka J. Od tłumacza // Huxley A. Eseje wybrane. Nowy Jork, 1966. С. 191.
 48. Kołakowski L. Horror metaphysicus. Warszawa, 1990. С. 144.
 49. Krabbenhoft K. Lem as Moral Theologian // Science-fiction Studies. 1994. Vol. 21. С. 212–224.
 50. Lem S. Bomba megabitowa. Kraków, 1999. С. 225.
 51. Lem S. Dylematy. Kraków, 2003. С. 288.
 52. Lem S. Dziury w całym. Kraków, 1997. С. 194.
 53. Lem S. Głos Pana. Kraków, 1984. С. 239.
 54. Lem S. Golem XIV. Warszawa, 1981. С. 140.
 55. Lem S. Mój pogląd na literaturę. Rozprawy i szkice. Kraków, 2003. С. 509.
 56. Lem S. Prowokacja. Kraków–Wrocław, 1984. С. 84.
 57. Lem S. Rasa drapieźców. Teksty ostatnie. Kraków, 2006. С. 300.
 58. Lem S. Sex Wars. Warszawa, 1996. С. 312.
 59. Lem S. Tajemnica chińskiego pokoju. Kraków, 1996. С. 280.

60. Leś M. Stanisław Lem wobec utopii. Białystok, 1998. C. 194.
61. Matka Boska się nie zjawi // Tygodnik Przegląd. 2005. № 51/52
// URL: <https://www.tygodnikprzeglad.pl/matka-boska-sie-nie-zjawi/>, доступ: 05.09.2020.
62. Okołowski P. Materia i wartości. Neolukrecjanizm Stanisława Lema. Warszawa, 2010. C. 562.
63. Orliński W. Co to są sepulki? Wszystko o Lemie. Kraków, 2007. C. 284.
64. Pieszczachowicz J. Wyzwanie dla „milczenia Wszechświata” // Pieszczachowicz J. Koniec wieku. Szkice o literaturze. Warszawa, 1994. C. 272.
65. Płaza M. O poznaniu w twórczości Stanisława Lema. Wrocław, 2006. C. 578.
66. Rozmowa na koniec wieku // Tygodnik Powszechny. 1994. № 9/04.
// URL: <https://www.tygodnikpowszechny.pl/rozmowa-na-koniec-wieku-129430>, доступ: 05.09.2020.
67. Singer A. The Novel of Ideas and the Reconciliation with Reason // Soundings: An Interdisciplinary Journal. 2010. Vol. 93. № 3/4. C. 223–233.
68. Smuszkiewicz A. Stanisław Lem. Poznań, 1995. C. 164.
69. The Mike Wallace Interview. 18.05.1958
// URL: <https://youtu.be/alasBxZsb40>, доступ: 05.09.2020.
70. Upiory. Ostatnia część rozważań o „bioetyce”. 16.11.2014
// URL: <https://youtu.be/dC6eopXrJyo>, доступ: 05.09.2020.
71. Wojtczak D. Siódmy krąg piekła. Antyutopia w literaturze i filmie. Poznań, 1994. C. 215.
72. Wolniewicz B. Epifania diabła // Wolniewicz B. Filozofia i wartości. Warszawa, 1993. T. 1. C. 308.
73. Wolniewicz B. Meliorizm Leibniza // Przegląd Filozoficzny. 2016, № 4 (100). C. 293–303.